

Роль антропоцентризма в процессах оязыковлени́я поняти́й (на материалах чешско-русских сопоставлений)

*Йиржи Коростенски**

Abstract: *Turn in sciences that started in the 2nd half of the previous century spread into linguistics and changed many basic standards. One of them is introduction of principle and notion of anthropocentrism into linguistic studies. It turned out that many close to linguistics disciplines like sociolinguistics, folklore study etc., and such notions as conceptual metaphor, fractals etc. are closely connected with anthropocentrism. The paper focuses on processes, connected with mechanisms of origin of conceptual metaphor, with role of sources of notions and the ways of their naming in target spheres.*

Key words: *turn in language science, conceptual metaphor, source, target.*

*Йиржи Коростенски, Кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и славистики Философского факультета Западночешского университета, Чешская Республика. korostenski@seznam.cz.

1. Введение

В статье исследуются два главных вопроса. В первой, теоретической части указаны обстоятельства возникновения нового направления в науке 20 века – когнитивизма. Рассматриваются вопросы интердисциплинарного характера лингвистического когнитивизма и взаимосвязи с остальными дисциплинами.

Во второй части статьи уже на конкретном материале изучается и анализируется переводный механизм на пути возникновения концептуальной метафоры. Он начинается в областях источника и кончается в сфере языковых рефлексий в трансформационных процессах понятийного и языкового планов. Все документируется на примерах функционирования первичных ощущений сквозь призму первичных ощущений человеческих органов восприятия на фоне культуры человека в их функциональных и ролевых связях. Применен чешско-русский сопоставительный языковой материал.

2. Теоретические предпосылки возникновения антропоцентрического подхода в лингвистике

Языкознание, даже в наших условиях почти столетнего господства структурализма выходит из тесного объятия структуры «чистого» языка и старается исследовать связи с окружением, т. е. не только с факторами чисто лингвистическими, но и социально-психологическими, и материально-культурными. Во внимание принимается огромная сумма явлений, до сих пор, как правило, ускользавших из поля зрения языковедов. Обсуждаются вопросы прототипов (Рош 1977), или стереотипов (Bartmiński i Tokarski 1993), когнитивных моделей, концептов и концептуальных метафор (Lakoff и Johnson 2002) и норм на фоне простой или структурно богато расчлененной языковой картины мира (Вежбицкая 2000).

Существенный вклад в объяснение связей мышления и речи внес уже в 30-ые гг. прошлого века советский психолог Лев Выготский (1934). На основе тщательного и оригинального анализа процессов детского мышления ему удалось доказать, что понятия образуются в детстве, причем только постепенно складываются интеллектуальные функции, создающие «психологическую основу образования понятий» (Выготский 1999, 120). Одновременно указал на чрезвычайную сложность связей между процессами мышления и речи, констатируя, что отсутствие иерархии, четких связей вместе с конкретно-наглядным характером осложняет построение однозначных

правил их описания. Но, тем не менее ему удалось установить связи не только между словом и понятием, мышлением и речью, а также раскрыть картину взаимодействий отдельных факторов в сложной интеракции разных социально-психологических сфер (Выготский 1934, 62, 143).

Многоуровневый и разнородный характер обсуждаемых явлений и факторов, связанных прямо или косвенно с правильным оформлением целевых реализаций в потоке речи в настоящее время языкознанием полностью приз-

нан. Но сами идеи о глубоком и сложном объединении таких частных сегментов, как мыслительные операции и соответствующие им языковые структуры с процессами восприятия и обработки информации из окружающего мира вместе с влиянием социальных факторов на происходящее появились в других дисциплинах, не только в философии, психологии, социологии, а также в естественных науках, таких, как геометрия, математика, кибернетика и др. чешских. В последнее время в Чехии творческим способом разрабатывал постулаты феноменологии Я. Паточка (Patočka 1995). Ф. Brentano (*Franz Brentano*) считают одним из основоположников феноменологии. В его понимании внутреннее восприятие – источник наших знаний о психических феноменах, но Гуссерл вопрос о сущности рефлексии ограничивает лишь достоверными знаниями о сознании. Позже, прежде всего у Хайдеггера, Сартра и др. эта дихотомия подверглась сомнениям, что связывалось с тенденцией философии к поискам «посредничества» между духом и материей, между сознанием и предметным миром, между внутренним и внешним. В процессе формирования новых взглядов на роль и функционирование языка в обществе пришли назанные философы к новому пониманию взаимодействия языка и социума, т. е. к тому, каким образом язык влияет на социальную реальность и наоборот. Важным становится в этом плане и вопрос о том, как понимать время в разных его аспектах. Законами физики установленные постулаты временных законов никак не совпадают с временем, являющимся неотъемлемой частью жизни человека и находящим специфическое отражение в языковом, а тоже философском мышлении и, самое главное, с «человеческим» пространством. Несмотря на чисто индивидуальные, т. е. внутренние составляющие человеческого опыта в отношении времени, в языковом мышлении категория времени представляется достаточно абстрактной, неотъемлемо связанной на обобщающем уровне с пространством. Обобщающий характер коллективного опыта в определённых ситуациях представляет время метафорической рефлексии, как динамично движущийся, но в других условиях как статичный объект (Lakoff и Johnson 2002, 57). Возможность метафорического оформления времени создает предпосылки для выражения его внутреннего переживания, ср. напр. *убивать время, время ползёт* (Mokienko и Wurm 2002, 75) и многие другие.

Хотя по традиции категорию пространства считают скорее результатом внешнего опыта и категорию времени результатом внутреннего переживания, их тесное переплетение и взаимообусловленное влияние друг на друга в сфере языкового мышления оформляет время скорее как пространственную сущность. Но иногда даже говорят об иллюзорном опыте. В нем полезная фикция считается реальностью, что даже создаёт впечатление о сугубо пространственном «источнике» времени (Молчанов 1994).

Именно в таком русле феноменология обращает внимание людей к естественной основе мира «Назад, к самим вещам!» и отличается существенно от «научной» точки зрения. В традиционном (читай структуралистическом) и бинарно закрепленном понимании острой дихотомии языка и речи с точно и регулярно вытекающими категориями и субкатегориями уже

теряется первоначальная острота. Из нечетких и едва ощущаемых связей между явлениями и понятиями становятся видны проходы в другие «пространства». Высоко оцениваемая сепарация и отделение «чистого» языка от остальных явлений теряет смысл, и можно говорить об общедоступном свободном пространстве с определёнными ключевыми узлами. Такая картина, получая с одной стороны очень обобщенные, а с другой пластичные черты изображения, представляет состояние в языке глазами лингвистической когнитологии и описывается в разных теориях концептуальной метафоры, когнитивных моделей и стереотипов.

Для того, чтобы правильно установить исходные параметры окружающей среды, необходимо для этой цели привлекать и другие смежные дисциплины, как например, социологию и социолингвистику, психологию и психолингвистику и много других наук. Вопросы, связанные с формированием социальных условий и реальности среди аборигенов, легли в основу исследований известного этнографа и основоположника социологии Б. К. Малиновского. Он исследовал исходные установки мировоззрения аборигенов, их отношение к жизни, взгляды на мир и пр. Лишь благодаря исследованиям таких учёных, как Малиновский (2004), лингвисты стали всерьёз воспринимать социологические и психологические факторы, как важные звенья на фоне общих условий, создающих предпосылки для другого, отличающегося от нашего типа мышления. Речь идёт о «других мирах», т.е. размерах и объёмах культурных различий, которые отдельные языки в состоянии выражать. В подобном ракурсе работает также интерпретативная социология М. Вебера. Таким образом элементы интерпретативного подхода повлияли не только на социологические исследования. Сопутствующие направления, как напр. символический интеракционизм, феноменологическая социология и этнометодология применяют в исследовании материала другой подход (Подвойский 2015–2017). Эти направления ищут ответы на несколько вопросов, а именно какое участие в формировании социальной реальности принимает человек и наоборот. Таким образом, естественно, возникает вопрос, как воспринимается язык в дискурсе общества, прежде всего с точки зрения повседневности, переноса индивидуального (коллективного) опыта или обусловленности социального поведения, т.е. «языковой предестинации».

Несмотря на чрезвычайную разнородность воспринимаемых человеческим умом импульсов, наблюдается в человеческом мышлении непрерывный и постоянный процесс структуризации копившихся понятий в его сознании. Указанный процесс совершается по многим и разным закономерностям, обнаружение и описание которых науке не до конца известно. Одним из таких принципов принято считать принцип контекстной зависимости. Сразу необходимо оговорить понятие, речь идёт об общем, ситуативном, а не языковом контексте. В этом плане полезно различать разные ориентационные установки различных предметов и позицию самого наблюдателя по отношению к ним. Речь идёт о передних, задних, нижних, боковых, верхних, нижних и др. частях таких предметов, как напр. *шляпа*, *ботинки*, разного рода емкостей. Но для классической геометрии Евклида такие различия

несущественны и в ней не выделяются. К данным типам контекстной зависимости необходимо привязать также другие неязыковые аспекты, такие как понятие «материала», из которого изготовлен предмет, «нормы», рамки которой ограничивают результаты человеческого мышления и, конечно, селективность и наблюдение за предметами и явлениями действительности.

На раньше «несущественные» и «незамечаемые» детали формирования контекстной ситуации уже в 80-ые гг. обращали внимание такие лингвисты, как Бирвиш (Bierwisch 1987), Апресян (1974) и др., сравнивая одни и те же понятия в разных контекстных ситуациях. Примером может послужить сегодня уже классический пример сопоставления следующих предметов: *Dlouhý provazový žebřík visel z paluby parníku... длинная веревочная лестница висела с борта парохода* (Апресян 1974, 58). *Zahradník nesl dlouhý dřevěný žebřík... Садовник нес длинную деревянную лестницу. Vysoký žebřík stál opřen o kmen višně... Высокая лестница опиралась на ствол вишни.* Другие параметры исследуются в прототипическом понимании словарного состава в рамках семантических групп. Выбор и окончательное применение словарных единиц во многих ситуациях зависят от разных социально-культурных категорий. Наиболее выразительными в этом плане являются нормы разного порядка, как напр. а) размер, длина, б) позиция наблюдателя и его отношение к окружающей среде, в) включение в словарный состав на прототипических началах. Поэтому норма, понимаемая в абстрактном смысле, становится в системе мышления, включая языковое, элементом достаточно стабильным и релевантным в смысле ее регулирующей роли в становлении основных предпосылок выбора значения и построения текста. От позиции наблюдателя в вполне конкретных ситуациях зависит оценка параметров конкретных предметов. В зависимости от этого один и тот же предмет может называться *высоким* или *глубоким* (Korostenski 2011, 26–28).

В языковедческой литературе появился тоже вопрос «наблюдаемости сравниваемого инструментала», понимаемого очень широко в смысловом понимании. Два примера: *бросало, как щепку... , ... он воевал как Наполеон... , ... он смотрел/глядел Наполеоном.* Первый и второй случаи исключают словосочетание с творительным падежом потому, что сложный механизм внутренних переживаний нельзя наблюдать извне. Но случай третий, даже при использовании похожего лексического материала, позволяет употреблять вариант с творительным падежом. Объяснение тут налицо, процесс можно наблюдать извне. Как было отмечено выше, за рамками грамматических и фонетических категорий остаются многие категории, и их характеристики остаются малоизученными. Напр. в рамках лексических категорий бывают взаимоотношения не чётко выраженные. Их выявление, установление и определение возможно лишь на основе изучения больших объёмов лексического материала. Таким образом удалось установить отношения частей и дополнений. При этом, естественно, наблюдается существенный пласт переходных явлений в смысле языковой «неотделимости» отдельных частей по отношению к понятию комплементарности. По сути дела можно выделить следующие группы: а) категорически неотделяемыми являются части, образующие только генетивные конструкции без возможности транс-

формации в предложное словосочетание с предлогом *от* (*край стола, гребень холма, угол комнаты*), б) условно отделяемые, когда генетивную конструкцию можно заменить предложной конструкцией с *от* (*ножка [от] стула, воротник [от] пальто, рука [от] куклы Киры*) и в) дополняющие определенное понятие только предложной конструкцией и когда точно определены функции дополняющего и дополняемого члена (*ключ от шкафа, наволочка от подушки, пояс от пальто*) (Рахилина 2000, 42).

Антропоцентрический подход в науке о языке встречается уже с времен В. фон Гумбольдта и позже развивается и дополняется другими постулатами таких лингвистов, как напр. Э. Беневист и в наше время Е. С. Кубрякова. Выдвинутая В. В. Виноградовым теория «языковой личности» впервые комплексно формулировала вопросы взаимосвязей языка и человека. В данном случае надо считаться с тем, что не только формулировка конкретных высказываний непосредственно связана с человеком в определенной речевой ситуации, но и развитие языка как такового, человеческого мышления и отношения к языку непосредственно связаны с личностью человека, и он становится главным и решающим звеном в системе этого сложного механизма коммуникации.

Поэтому с этой точки зрения рассмотрим концептуальную метафору. Традиционно в семиотических системах движение понималось только в одном направлении: от внеязыковой действительности посредством мышления в языковую систему. Обратное направление ввёл в своих взглядах Дж. Лакофф. Его новая формулировка понимания метафоры принципиально изменила взгляд на метафору и ее функционирование не только в языке. Он доказал, что именно посредством метафоры человек в состоянии понимать абстрактную действительность, неструктурированные или слабо структурированные сущности как конкретные и структурированные. Обратное направление человеческого мышления поэтому повлияло не только на все области языкознания, а также на другие отрасли науки. О роли метафоры в естественном языке говорили многие учёные уже давно. Но только Дж. Лакофф и М. Джонсон (Lakoff и Johnson 2002) раскрыли механизм создания и функционирования метафоры, учитывая ее тесную связь с мышлением.

Отмечая метафорическую основу человеческого мышления, Дж. Лакофф и М. Джонсон одновременно указывают на базис опыта и этнокультурного фона, которые предопределяют конкретную языковую рефлексию не только с точки зрения формы, а также содержания. Таким образом, в данном случае проявляются генезис взаимосвязей метафоры и ее антропоцентрический характер, стремление человеческого ума (мышления) к «порядку» и тем самым к классификации и категоризации окружающих его предметов, объектов, явлений и отношений. Поэтому основными принципами метафоризации в свете нового подхода к метафоре надо считать сигнификативно-денотативную соотнесенность, которая в обобщенном понимании выражена парадигматической моделью метафоризации. Различают области источника и цели с тем, что укоренившиеся совпадения между названными областями в культурной и языковой традиции получили название концеп-

туальные (когнитивные) метафоры, как напр. «время есть деньги» и т. п. (Lakoff и Johnson 2002, 20).

В заключение необходимо указать, что распространение принципа антропоцентризма, девизом которого является прежде всего изучение человека как целостного явления, способствовало зарождению большого количества междисциплинарных наук, как напр. этнолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, культурной семантики, лингвострановедения и т. д. Все значимые для построения правильного текста объекты и явления изучаются с учётом их роли или назначения для человека, способствуя поискам причинных связей тех явлений, до этого объяснявшихся как «нерегулярные», «исключительные» или «фразеологические» (Голованова 2017).

3. Хаос и порядок – факторы системного порядка

Хотя когнитивная наука почти всегда отмежевывается от строго структуралистского понимания системы как четко очерченной схемы, тем не менее организующий момент и порядок является неотъемлемой составной частью человеческого существования. Поэтому понятия хаоса и порядка стали предметом всестороннего изучения когнитивной лингвистики.

С теорией хаоса в настоящее время часто связывают долгожданное сближение естественных наук с гуманитарными, в том числе с языковедением. Вся окружающая нас природа основана, в большинстве своем на нелинейных процессах, поддающихся в определенных ситуациях и моментах синергетическому эффекту.

Во многих естественных науках, как напр. в математике, теории информации, статистике, биологии, теории хаоса разработано также и понятие энтропии. Оно привлечено в качестве единицы измерения хаотичности. Меняющийся размер энтропии в конечном итоге влияет на окончательное моделирование фазового пространства. Подобный характер «текучности» и динамизма явлений встречается и в языке. В нем можно выделить пространства с подобным упорядочением структур, поэтому логическим следствием является введение теории хаоса вместе с теорией фракталов в лингвистику.

Динамизм, процессы упорядочения и построения разных схем и есть фракталы. Хотя они изучаются более ста лет многими математиками, тем не менее только в 1982 г. математик Бенуа Мандельброт дал их первое и доступное толкование в книге «Фрактальная геометрия природы». Его теория подхватывает уже до этого высказанные тезисы о том, что евклидова геометрия применима лишь по отношению к искусственным образованиям, созданным человеком, но суть природных пространственных образований совершенно другая и структурно существенно отличается от них. Природные объекты обладают своей собственной геометрией, основанной на фракталах. Мандельброт пришел к выводу, что пространственные трехмерные природные объекты обладают лишь мнимыми «различиями» и являются на самом деле одинаковыми. Вся проблема связана с геометрическими

процедурами рекуррентии и итерации. Они же дробятся в ходе этих процедур на всё более мелкие самоподобные части того же типа (Плотникова 2011, 126–127).

Проблемы фрактальности стали обсуждаться на почве лингвистики. В 2009 г. состоялась в США конференция при участии Ноама Хомского, в ходе которой рассматривались вопросы, связанные с проблемами фракталов в языке. Но заранее надо оговорить, что фракталы ищут не столько в языке, сколько на уровне целых текстов. При этом рекуррентия, как повторяемость явлений и объектов самоподобным образом, составляет стержневой момент теории фракталов в лингвистике. Все различия и сходства фракталов в лингвистике можно на определенных уровнях языка доказать полностью. Такими уровнями являются слог, слово и простое предложение. Но по мере осложнения языковых структур симметрия порождаемых структур не соблюдается. В настоящее время уже встречаются разработанные анализы текстов, базирующиеся на фрактальном анализе, результатом которого является возможность точного измерения заданных параметров в ходе моделирования текста. Таким образом проводился анализ стихотворения Эдгара Алана По *The Raven*. Автор сравнивала и одновременно моделировала текст оригинала с разными переводами, хотя, на первый взгляд, поэтические тексты наименее пригодны для открытия и описания каких-либо закономерностей. Тем не менее на заключительных этапах, сопоставляя языковые фракталы с присоединёнными математическими, автор пришла к выводу, что языковые фракталы являются аппроксимациями «совершенных» математических фракталов (Бенешов 2011, 38, 107).

Но если посмотреть сквозь призму фрактальной лингвистики на вопросы семантики, надо примириться с фактом, что проблемы порождения семантических структур ещё долгое время останутся не решенными.

4. Основные понятия когнитивной лингвистики — языковая картина мира

Основные понятия когнитивной лингвистики тесно связаны с деятельностью человека, его опытом и мышлением. Тем не менее их подбор, описание и толкование довольно существенно отличаются в зависимости от направления когнитивного исследования.

В исследованиях российских и украинских когнитологов детально разрабатываются теории концепта, причём решаются сопутствующие проблемы. Чем же отличается концепт от понятия, смысла и значения? Иногда, даже в научной литературе, получается, что выступают они синонимами. Но, на самом деле, понятия необходимо различать. Понятие следует считать основным элементом неязыкового сознания, а концепт языкового. Но, как соотносить с концептом значение и смысл? Как правило, различают разные типы концептов. Для выражения самых простых (примарных) достаточно одного слова, в то время, как у других (осложненных) языку понадобятся словосочетания, разные фразеологические единицы или даже предложения (тексты). Тогда говорят о схемах, фреймах и сценариях (Але-

фиренко 2006, 109). Если тогда под значением понимаем содержание единиц и, соответственно, категорий системного порядка определенного языка, то концепт уже приобретает структурированное смысловое содержание, заключающее в себе коллективный опыт конкретного говорящего коллектива и он становится единицей мысли. А смысл, хотя он и выражает направление мотива к цели, являясь категорией мышления, изменяется каждый раз в новом высказывании, отражая и объективный мир и субъективное мышление (Алефиренко 2006, 220–221).

Правда, в последнее время (Рахилина) существование некоторых групп концептов подвергается сомнению. Это касается прежде всего так называемых топологических концептов, как напр. ‘контейнер’, ‘плоскость’ или ‘поверхность’, ‘пространство’. Доказывается несостоятельность установленного семантическим анализом конкретных и абстрактных существительных концепта, входящего в данную схему. Для анализа привлечены конструкции с конкретными семантическими характеристиками. Их употребление определяет ‘контейнер’ в конкретном языке. Так, в русском языке задается ‘контейнер’ следующими конструкциями: а) сочетаниями прилагательного глубокий в атрибутивной позиции с существительным топологической схемы ‘контейнер’, как напр. *глубокий колодец*; б) сочетаниями предлога в соответствующих существительными, как напр. *в пруд, в пруду*; в) сочетаниями предлога с существительными в комитативном значении, как напр. *стакан с вином*; г) употреблением генетивных конструкций, ср. напр. *кувшин пива* (Рахилина 2010, 222). На основе анализа конкретных примеров конструкций из каждой группы исследователь доказывает несостоятельность положений о выделении топологического концепта типа ‘контейнер’ (Рахилина 2010, 223–244). Но нам кажется, что выделение концептов на логико-семантических основах, якобы однозначно определяющих ‘контейнер’ с точки зрения наличия главной его составляющей, т. е. полости в смысле ее существования (*глубокий колодец*), направления или нахождения там (*в колодец, в колодце*), ситуацию соположения объектов (*стакан с вином*) или ее измерения (*кувшин пива*) лишь неполным образом отражает характеристики топологических концептов, включая ‘контейнер’, так как любое отвлеченное понимание, включая метафорическое, при таком подходе заранее исключается.

Если к основным понятиям когнитивной лингвистики приурочить такие понятия, как «языковая картина мира» и «концепт», то в польской и чешской лингвистической традиции разрабатывается прежде всего понятие ЯКМ и концепт как таковой особенно не выделяется, хотя с понятием «концептуализации» филологи работают. Более подробно вопросы ЯКМ и концепта разработаны в восточноевропейском языкознании, особенно русском и украинском. Детально выделяются разные речемыслительные структуры. Смысл отличается от понятия тем, что его считают, в отличие от понятия, допонятийным образованием с более высокой долей абстракции, но менее емкой структурой. Началом процесса, в конце которого осуществляется оязыковление первоначальных понятий и смыслов, принято считать в восточнославянской лингвистике ощущение. Но процесс является многос-

тупенчатым, причем отдельные ступени качественно отличаются друг от друга. Начиная с подсознательного уровня, на котором выступает допонятийная категория в форме смысла, через понятие, обрабатываемым в когнитивных процессах на основе образцов социального происхождения и кончая завершающими этапами оязыковления (Алефиренко 2010, 120–123). Континуальность выше описанных процессов несомненна, но на отдельных её этапах происходит оформление частных образований речемыслительного процесса в специализированных схемах под названием: *картина мира и модель мира*, причем модель мира обладает особой способностью избирательности и картина мира является способом мышления о мире, т. е. мировоззрением. Иногда говорим о так называемом «наивном» видении мира в противовес научной картине мира. Это форма систематизации научных знаний. А представление и описание вышеназванных понятий соотносится с понятием «языковая картина мира» (ЯКМ). В обобщенном понимании можно сказать, что на уровне мышления модель мира «объясняет» и «создает концепты», в то время как картина мира «констатирует» и «описывает» (Алефиренко 2010, 133, 136). На практике это значит, что модель мира выступает как устройство, фильтрующее окружающий мир и дающее избирательные результаты самых разных внешних ощущений, причем самыми важными являются в этом плане зрительные ощущения. Селективность так становится на последующих этапах самым существенным строительным элементом ЯКМ (Коростенски 2006, 47).

5. Чувственное восприятие в роли источника концептуализации

Как правило, исследуются части человеческого тела, стоящие в начале цепи мыслительных и речевых процессов, порождающих концепты. Правда, не все названные части тела, «предоставляют» для концептуализации одинаковую базу. Довольно значительную группу представляют собой органы чувственного восприятия.

В настоящее время современной наукой выделяется, как правило, пять традиционных органов чувств: зрение, осязание, слух, обоняние, вкус. В нашей лингвокультуре центром ценностно-смыслового пространства является зрительное восприятие мира. Оно, действительно, является источником многочисленных импульсов смыслообразовательных процессов. Но в других культурах большую функциональную нагрузку носит слух (Arendtová 1993, 48). Отдельно стоят тактильные ощущения и импульсы, возникшие на их основе. Ниже рассмотрим некоторые аспекты роли тактильных ощущений в ходе языковых реализаций и на фоне сопоставления двух языков, чешского и русского. Мышление и языковые процессы человека используют одинаковую понятийную систему (Lakoff и Johnson 2002, 15, 16).

Без внимания не оставляются и вопросы, связанные с зарождением метафорических концептуализаций в конкретном пространстве тактильных ощущений, а также их частичная квантификация в связи с различными ас-

пектами взаимодействия языка и мышления на фоне моделирования ЯКМ. Лакофф и Джонсон в этом плане выделили основные типы метафор, такие как ориентационная, структурная и онтологическая (Lakoff и Johnson 2002, 19 sl.).

Поскольку типология концептуальной метафоры находится лишь в самом конце длинной цепи речемыслительных операций, важно выявить начальные звенья создания указанной цепи. В связи с этим целесообразно обратиться к понятию источника и целевой области концептуализации в том смысле, как они представлены в работах Ж. Ваньковой (Vaňková a kol. 2005).

Диапазон потенциальных возможностей тактильных ощущений намного ярче, чем нам кажется в определенных и довольно ограниченных условиях. Так, например, определяется (а) температура воды: *кипящая, горячая, теплая, прохладная, холодная, ледяная* и (б) качество поверхности предметов: *влажный, шершавый, грубый, гладкий, мокрый, мягкий, нежный* и т. п. Тактильные ощущения могут способствовать возникновению понятийной базы для создания языковых рефлексий, характеризующих форму окружающих нас предметов, ср. напр.: *шарообразный магнит, овальный стол, острый нож, тупой нож, остроконечный шпиль, квадратный предмет* и т. п.

Развитому внутреннему членению понятий соответствуют языковые реализации, служащие источником для целевых областей многочисленных метафоризованных значений и смыслов. Больше всего языковое оформление связано с процессами восприятия, познания, ментальной деятельности, человеческих и общественных отношений. Для формирования понятий и представлений очень важно, что тактильные процессы структурирующая в соответствии со спецификой их направления на отдельные области. Это связано с самим способом осязания. Ср.: *pro-hmat-a-t, o-hmat-a-t, na-hmat-a-t*, в котором нельзя не заметить, что концептуализационные схемы 'контейнера-емкости' и языковые рефлексии передают ощущения не только внутреннего пространства (например, *lékař prohmatal zevrubně dutinu břišní. . .*); но и боли внутренних органов (*врач ощупал брюшную полость*), передают также характер движения по поверхности, ср. напр.: *. . . na dně nahmatal kámen* (SSJČ III 1989, 196) (*на дне нащупал камень*); *ohmatal ostrží zbraně. . .* (*ощупал/охватил лезвие ножа*) и *. . . ohmatal krajinu očima* (*охватил местность взглядом*) (SSJČ III 1989, 519). В ЯКМ чешского языка фиксируются также результаты этой деятельности, очень часто в форме прилагательных и наречий. Ср.: *. . . cukroví se nám zdálo ohmatané. . .*; *hmatové schopnosti jazyka; . . . výzkum přinesl první hmatatelné výsledky. . .*; *. . . hmatatelně cítil svou bídu. . .* (SSJČ II 1989, 49) *пирожки нам показались захватанными, способность языка нащупать. . .*, *. . . исследования принесли ощутимые результаты*. На словообразовательном уровне с ними связаны производные имена существительные типа *(ch)hmaták* (*хватание, захват*), *hmatáč* (*вор-карманник*), *hmatník* (*гриф скрипки*) и др. В некоторых случаях метафоризованные значения передаются специфической сочетаемостью типа *hmatatelný* (*dostavily se první hmatatelné výsledky*). В отличие от прямой номинации, их ис-

пользуют при непрямом, а косвенном знакообозначении. Ср.: *nehmatný (puls byl nehmatný)* неощутимый, пульс не прощупывался.

Так в чешской ЯКМ различается не только собственно процесс осязательного ощущения (напр. *hmatat* → *ohmatat* → *prohmatat* ... *щупать* → *ощупать* → *прощупать* и т. д.), но и процесс создания контакта (ср. *dotek* → *dotýkat se* → *dotknout se* ... *прикосновение* → *дотрагиваться* → *дотронуться* и др.). Их семантические и этимологические связи намного шире, чем можно судить по словообразовательной структуре. Группа *-mk-* создает составную часть и других дериватов, ср. напр.: *styk* → *setkání* → *stýkat se* ... *общение (связь)* → *встреча* → *встречаться*, являющихся примером развития метафорической схемы 'контейнера-емкости'. В указанную область можно включить дериваты глагола *třít* → *otřít* → *dotřít* → *dotěra* ... *тереть* → *затереть* → *задира*, которые представляют собой движение по поверхности 'контейнера-емкости'.

Но, в свою очередь, не все части человеческого тела в одинаковой степени и функциональном диапазоне принимают участие в перцепции тактильных ощущений. К частям человеческого тела, которые в состоянии передать тактильные ощущения щупания, хватания (*hmat* → *ohmatání* ... *щупание* → *прощупание*) следует отнести руки, пальцы и только потом остальные части человеческого тела, относительно часто принимающие участие в перцепции тактильных ощущений, ср. напр.: руки, локти, ногти, зубы и в исключительном порядке также хлыва х голова. Указанные области источника тактильных ощущений связаны с самыми разными целевыми сферами, выражающими чаще всего, 'человеческие отношения', 'эмоции' и 'человеческие качества'.

6. Рука как источник языковых рефлексий

Но в нашей статье внимание уделяется не всем частям человеческого тела, а именно органам тактильных импульсов, таким, как *ruka (рука)* и *noha (нога)*. Остальные остаются в нашей статье вне поля зрения. На фоне первичных тактильных импульсов анализируются также вторичные параметрические аспекты расстояния, выраженные антонимической оппозицией прилагательных *blízký(o) × daleký(o)* а в русштинě *близкий(о) × далекий(о)*. В данном случае остаётся дихотомия отношения *blízký(o) × daleký(o)* и *близкий(о) × далекий(о)* пропорционально на одном и том же уровне, причем «близость» на языковом уровне выражена контактом с передачей тактильного ощущения, ср.: ... *ucítil pevný stisk ruky* ... *он почувствовал крепкое рукопожатие...*; ... *dotek jejích rtů příjemně chladil* ... *от прикосновения ее губ он почувствовал приятный холодок*; ... *někdo z davu mi šlápl na nohu* ... *кто-то из толпы мне наступил на ногу...*, или передается качество при создании этих контактов, ср.: ... *potkávat se* ... *встречаться*; ... *narážet do sebe* ... *сталкиваться друг с другом...*; ... *důkladně prohmatat kožešiny* ... *ччательно прощупать меха...*; ... *dotknout se komínika pro štěstí* ... *дотронуться до трубочиста на счастье...*

Рука, как правило, первой сумеет опосредствовать тактильные ощущения по отношению к окружающей среде. Если говорим о том, что *někdo něco osahal*, *омакал кто-то что-то оцупал*, в прямом употреблении дело касается всегда *руки*. Язык в состоянии выразить с точки зрения активного поиска и пассивного восприятия тактильного ощущения даже противоположную ситуацию и данное восприятие можно ощущать отрицательно или положительно, как правило в переносном употреблении, ср. напр. *... vše pocítil na vlastní kůži ... он всё почувствовал на собственной шкуре*, ‘неприятности’, ‘упреки’ и ‘неблагодарность’ и под., *... bylo to pro něj jako pohlazení ... это было для него, как будто его гладят*, ‘похвала’, ‘награждение’, т.е. эмоции положительные и отрицательные.

В русском языке передает ‘рука’ в целевых языковых рефлексиях ряд отношений, как правило межчеловеческих, с помощью широкого спектра коннотаций и стилистических оттенков. Многие из этих отношений являются очень древними с точки зрения этимологии и культуры, ср. напр. понятие ‘круговая порука’. У восточных славян это понятие всегда соотносилось с отношениями в общине, до недавнего времени (19 век) принадлежавшей к основной строевой единице организации общества в России, ср.: *Právě ten den byla zrušena kolektivní odpovědnost rolnického společenství při úhradách za výkup ... Именно в этот день в 1903 году была отменена круговая порука крестьянских обществ по выплате выкупных платежей*. Хотя сегодня первоначальное понятие, связанное с коллективной ответственностью членов общины, уже исчезло, тем не менее в современной русской ЯКМ имеет свое прочное место, являясь живым и отражается в языке, ср.: *Jak se domnívám, kolektivní ručení v podobě nadačního fondu pro kompenzace má zde proto více kladů ... Поэтому, я считаю, круговая порука в виде компенсационного фонда здесь больше плюс; Běloruští úředníci budou propojeni kolektivní odpovědností ... Белорусских чиновников свяжут круговой порукой*.

С чешским языком совпадает способность русского языка выражать одно из отношений ориентационной схемы ‘далеко’ × ‘близко’ *близкий(о)* × *далекый(о)*, ср.: *Из первых/вторых/третьих рук ... tá/je to z první/druhé ruku; с рук на руки ... z ručky do ručky; рука в/об руку ... ruku v ruce; под рукой ... pod poseť*. Не менее интересен взгляд с точки зрения концепта ‘контейнера-ёмкости’, совпадающего на обсем уровне схемы, но в деталях отличающегося, ибо в русском понимается поверхность ‘контейнера-ёмкости’, в то время как в чешском отражается внутренняя сторона понятия. ‘Рука’ как важная составная часть человеческого тела выступает как сфера источника для целевого значения ‘отношения’ в широком смысле слова, что, вне сомнения, связано с функциональным назначением руки как органа контакта и труда. Но на уровне культуры с ним связывается и функция магическая, ср. напр.: *как без рук без кого, без чего ... jako bez ruku; не покладая рук ... ,s velkou pílí/úsilím‘; отбиваться от рук ... ,začít vypovídat někomu poslušnost‘; пропускать мимо рук ... ,nepozorovaně ztrácet‘; смотреть из рук кого, чьих ... jít někomu na ruku; оставаться без рук ... ,velmi se unavit ruční prací‘; правая рука ... je pravá ruka koho; рука набита ... ,někdo má dostatek zkušeností a dovedností‘; рука не поднимается ... ,někdo je*

nerozhodný; *po rukam ... rukodáním stvrzeno; засучив рукава ... ,energicky, pilně‘ (pracovat); спустя рукава ... ,nedbale‘ (pracovat); сильная рука ... silná ruka; в руках кого, чьих ... být v rukou koho; чужими руками жар загребать ... tahat kaštanu z ohně za koho; руки не отваяляця у кого ... ruce neupradnou komu; руки опускаются у кого ... ,bez zájmu‘. Русский язык располагает также целым рядом выражений, в которых обстоятельственное определение выражаемая адъективно-субстантивным словосочетанием, ср. напр.: ... средней руки ... ,průměrný‘; ... на широкую руку ... ,štědrý‘; на скорую руку ... ,rychlý‘, ,uspěchaný‘; под веселую руку ... ,radostně‘; под горячую руку ... ,rozzlobeně, rozčileně‘; под пьяную руку ... ,opile‘; на живую руку ... ,horkou jehlou‘; руки коротки у кого ... být na něco krátký (VRČS 4 1959, 217–220). Хотя чешский язык создает подобные языковые рефлексии, тем не менее они отличаются в известной степени формальными и семантическими параметрами, как напр.: *pevná ruka (vláda) ... tvěrdá ruka*, ,nekompromisně‘ (vládnout); *zlaté ruce ... золотые руки*, ,manuálně zručný‘ (chlověk); *pravá ruka ... правая рука*, ,nejdůležitější spolupracovník‘; *brát oběma rukama ... грести обеими руками*, ,brát úplatky‘; *nosit na rukou ... носить кого на руках*, ,zbožňovat‘, ,milovat‘; *neví, kam s rukama ... он не знает, куда руки девать*, ,stydí se‘; *ruku na to ... даю слово*, ,stvrzení dohody‘; *ruku na ústa ... тише, молчи*, ,výzva ke klidu‘; *hrát si do ruky ... подыгрывать друг другу*, ,pomáhat si navzájem‘; *hrát do ruky ... подыгрывать кому*, *zavřít ruku ... перестать быть щедрым*, ,přestat být štědrý‘; *dostat přes ruku ... его поставили на место*, ,usměrnit někoho‘; *žít z ruky do huby ... перебиваться с хлеба на воду (еле сводить концы с концами)*, ,žít nuzně‘; *nechat volnou ruku komu ... предоставить полную свободу действий*, ,neomezovat někoho‘; *držet ochrannou ruku nad kým ... опекать кого*, ,výjimečně chránit někoho‘; *jít z ruky do ruk ... быть нарасхват*, ,být žádaný‘; *je to z ruky ... это не по пути*, ,o značně vzdáleném místě od trasy pohybu‘; *dívat se komu do ruky ... стоять у кого над душой*, ,kontrolovat velmi přísně někoho‘ (Mokijenko и Wurm 2002, 445–450).*

7. Нога как сфера источника для языковых рефлексий

Менее часто в обоих языках проецируется источником в сферу понятий ,noha‘ – ‘нога’ как составная часть опорно-двигательного аппарата в процессах метафорической трансформации. Но более часто встречается момент, что в целевых областях наблюдаются значения, связанные с ногой в отрицательно и экспрессивно окрашенных значениях, причем из анализируемого материала вытекает, что указанные черты с данной характеристикой представлены скорее в чешском, чем в русском языках.

Так, в пространстве чешской ЯКМ отводится понятию ‘нога’ – ,noha‘ второстепенная роль с точки зрения ее функционально-культурного назначения в сравнении с рукой и связанной с ней сферой, на что указывают идиоматические словосочетания типа: *napsal to jako nohou* ‘некрасиво, неразборчиво’; *něco smrdí jako bolavá noha* ‘очень неприятно воняет’; *být jednou nohou v hrobě ...* стоять одной ногой в могиле (стоять на краю могилы); *... ani noha sem nepřáchně ...* ноги не будет чьей; *... vstávat levou nohou*

... *вставать с левой ноги*. Исключением из общего направления чешских языковых рефлексий данного типа является положительная коннотация в выражении ... *stát na vlastních nohách* 'быть самостоятельным, независимым' и нейтральное ... *vrhnout se do něčeho rovnýma nohama* 'прямо, не обдумывая ничего сделать'; ... *kam tě nohy ponese* ... 'иди по своему выбору'.

В русской ЯКМ можно встретить понятие 'нога' существенно чаще и языковые реализации обладают более часто значениями положительными или нейтральными, ср. напр.: *твердо стоять на своих ногах* ... *pevně stát na vlastních nohách*; *на равной ноге* ... *jako rovný s rovným*; *держат ногу/идти в ногу с кем, с чем* ... *držet krok s kým, s čím*; *в ногу* ... *do taktu*; *легко на ногу* ... *rychlonožý*; *пока ноги несут* ... *dokud nohy slouží*; *на ногах* ... 1) 'стоящий на ногах'; 2) 'бодрствующий'; 3) 'обременён заботами'/'как белка в колесе'; *колосс на глиняных ногах* ... *kolos na hlíněných nohách*, ср. напр. государство.

Тем не менее и в русском языке понятие 'нога' х ,нога' в некоторых случаях сочетается с отрицательными представлениями и коннотациями, в которых подчеркиваются разные оттенки 'иронии', 'пренебрежения', но, с другой стороны и 'снисхождения', ср. напр.: *на большую (барскую) ногу* ... *žít na vysoké noze* 'расточительно'; ... *хромает на обе ноги* ... *kulhá na obě nohy* ...; ... *ударять в ноги* ... *brát do zaječích* ... , 'спасаться побегом'; ... *лизать ноги кому* ... *podlézat komu* ... , ... *lízat komu paty* ... , 'вести себя угодливо'; ... *подставлять ногу кому* ... *dávat stoličku komu* ... , 'изменять кому'; ... *в ногах правды нет* ... 'лучше сидеть чем стоять'.

Существенно частотнее в языковом материале чешского языка представлены случаи метафоризированных целевых значений в областях, в которых отражен результат работы ног, ср. напр.: *šlapat* → *zašlapat* → *našlapovat* (*следить* → *наследить* х *наступать*); *kop* → *kopat* → *zakopnout* → *vykopnout* (*удар* → *ударять в мяч* х *споткнуться* х *выбить мяч от ворот*); *dupat* → *zadupat* → *rozdupat* (*монтировать* → *затонтировать* → *расмонтировать*); *dušat* → *udušat* (*монтировать* → *умонтировать*); *stopa* → *stopovat* → *vystopovat* (*след* → *следить за кем* → *выследить кого*) и т.д. По сути дела вполне нейтральными можно также считать идиоматические словосочетания в последнем словообразовательном ряду, ср. напр.: *vystopovat zvěř* ... *выследить зверя, врага*; *zanechat výraznou stopu v naší vědě* ... *оставить заметный след в нашей науке*; *následovat cestu ruských narodníků* ... *следовать путем русских народников* и т.д. В целевых областях предыдущих языковых выражений в чешском языке скрыты скорее отрицательные коннотации, ср. напр.: *šlapat si po štěstí* ... *не видеть своего счастья* (Mokijenko и Wurm 2002, 524); *zadupat někoho/něco do země* ... *втонптать в землю* (Mokijenko и Wurm 2002, 87); *šlapat někomu na paty* ... *не спускать глаз с кого*; *tančije, jako když šlape zelí* ... *танцевать как медведь* (Mokijenko и Wurm 2002, 483); *došlápnout si na někoho* ... *свести счеты с кем* (Молотков ред. 1968, 414); *vydupat si něco* ... 'добиться с усилием чего'; *nepечат do sebe kopat* ... *не позволять из себя веревки вить* (Mokijenko и Wurm 2002, 124); *vykopnout někoho odněkud* ... *вытолкать в три шеи откуда* (Копецкий и Филипец ред. 1976, 557) и многие другие.

Сопоставляя чешскую и русскую целевые области, представленные в чешском работой ног, важно отметить, что совпадения являются только

частичными, особенно это можно наблюдать в сфере идиоматических выражений. Идиоматический оборот *tancuje, jako když šlape zelí ve významu* ‚tancuje špatně‘ не имеет точного формального соответствия в русском, но с точки зрения содержания ему приближается ... *танцует как медведь (танцует как корова на льду)*. С смысловой точки зрения в указанном блоке фразеологизмов чешским единицам в русском больше всего соответствуют идиомы, содержащие похожие формальные структуры, ср. напр. *наступит на (любимую) мозоль ... šlápnout někomu na kuří oko*, хотя частичные семантические различия в семантической структуре сопоставляемых эквивалентов не всегда являются предпосылкой для больших расхождений в формальной структуре, как напр. в словосочетании *svestí sčety s кем ... došlápnout si na někoho*. Тем не менее в следующих выражениях подобного типа смысловой разрыв получается намного сильнее, ср. напр.: *наступать на пятки; наступать на хвост ... šlapat někomu na paty; наступать на горло; брать на арапа ... vudupat si něco* и т.п.

Характерно и то, что некоторые составные части фразеологизмов с целевым значением ‘качество межличностных отношений’ являются частями человеческого тела, но в конкретном сопоставлении отдельных семантических корреляций чешского и русского языков наблюдаются многие существенные различия в зависимости от того, насколько точно в языковой картине мира формулируют и передают конкретную область представлений, ср. напр.: *палеца в рот не клади кому – nekopat do někoho; наступать на ногу/на ноги ... šlapat někomu na hlavu*. Иногда формулировка этих областей представлений в обоих языках выражена с помощью глаголов и подчеркивается прежде всего динамические части образа. Это имеет место в случае передачи эмоционально окрашенных оценок ситуации, ср. напр.: *выгнать с работы; выпихнуть кого-то с работы/на улицу ... vyrazit/vykopnout někoho z práce; медведь на ухо наступил кому ... ,být bez hudebního sluchu‘*. Тем не менее и в сфере эмоционально окрашенных оценок существуют также ряд некоторых совпадений с чешским языком, ср. напр.: *запирать/запирать кого-то ... kopat do někoho/dokopat někoho; наступить, наступать на горло кому; наступать на ногу кому ... ‘грубо обижать кого-либо; ущемлять чьи-либо интересы’; наступать на пятки ... šlapat na paty/být někomu v patách (,dohánět‘); наступать на хвост кому ... 1) dotýkat se někoho (,urážet‘); 2) ,dohánět někoho‘; наступать на язык ... ,nutit k mlčení‘*. Сравнивая семантический сдвиг в чешской идиоме в направлении к метафоре, мы увидим в чешско-русских параллелях ряд совпадающих или типологически похожих механизмов создания концептуальной метафоры, ср. напр. *šlape si na jazyk ... он шепелявит; топтаться на одном месте ... přešlapovat na místě, ,dělat něco bez znatelného pokroku‘; затоптывать в грязь кого ... 1) zadupávat do země někoho; 2) ,diskreditovat, očerňovat někoho‘*.

Одним из материальных результатов работы ноги является стопа ... след. Здесь наблюдаются между обоими языками значительные сходства и в области коннотаций, ср. напр.: *выследить зверь/врага ... vystopovat zvěř/nepřítele; свежие следы ... čerstvé stopy; идти по следам ... jít po stopách; идти по ложному следу ... jít po falešné stopě; навести на след ... navést na*

stopu; замести следы ... zamést stopu. Отклонения от указанной модели в сопоставительном плане малочисленны. С точки зрения русского языка можно привести следующие сопоставления: *наследить ... našlapat, 'наделать следы где'*. В чешском языке 'результат работы' заменен самим 'процессом', тем не менее коннотации ощутимы, ср. напр. *vylídit tajemství ... выведать тайну* в чешском языке относится к древнечешскому и славянскому *след* → *следити* (Rejzek 2001, 581; Machek 1997, 553), в то время как русская система свой эквивалент сдвинула за границу узкой области 'осязания'. Несмотря на это значение остается в более широких рамках собственной перцепции.

Русские языковые рефлексии 'осязания' и 'прикосновения' передают и более сложные формальные и семантические выражения. Речь идет не только о более распространенном типе выражений до начала прикосновения, ср. напр.: *коснуться кого, чего ... dotknout se koho, čeho; sáhnout na koho, co ... тронуть за локоть* 1) *sousedu za loket, rukou žárovku ... тронуть рукой лампочку*; 2) *uvést do pohybu ... тронуть коней, машину*; 3) *zasáhnout ... сырость тронула стену*, но, прежде всего, действительность, что русский в своей языковой картине понятийно не соединяет тактильные ощущения с объектом тактильной деятельности, ср. напр.: *щупанье – вещество – материальный – вещественное имущество × hmat – hmota – hmotný – hmotný statek*, а также то, что порядок собственного прикосновения в своих рефлексиях представлен с точки зрения формально-структурной намного сложнее и целая область метафорических значений 'человеческие отношения' находит свой источник в более широкой сфере тактильной перцепции, ср. напр.: *тронуть за живое (больное) место ... dotknout se citlivého místa; свекровь целые дни придиралась к невестке ... tchyně se celé dny vozila po snaše* (VRČS 3 1956, 511). Чешские эквиваленты, как правило, выходят с точки зрения источника, за указанную область.

Если посмотреть на материал с точки зрения концептуальной метафоры, то отметим, что большинство метафорических выражений фразеологических образований в чешском и русском языках представлено схемой 'онтологической' метафоры, как напр. *ani noha sem nepřáchne ... ноги не будут чьей; vstával levou nohou ... вставать с левой ноги; držet krok s kým ... держать ногу/идти в ногу с кем; kolos na hliněných nohách ... колосс на глиняных ногах; šlapat si po štěstí ... не видеть своего счастья; zadípat někomu/něco do země ... втоптать в землю; šlapat někomu na paty ... наступать кому-то на пятки; šlápnout někomu na kuří oko ... наступить на (любимую) мозоль; šlapat někomu na hlavu ... наступать на хвост. Лишь незначительное количество из них можно приурочить к 'ориентационным' схемам концептуализации, ср. напр. *být jednou nohou v hrobě ... стоять одной ногой в могиле.* В плане межъязыкового сопоставления примечателен еще один факт, а именно тот, что в представленном материале фактически не встречается случай несовпадения в обоих языках с точки зрения типа концептуальной метафоры. Тем не менее встречаются случаи формальных различий при одинаковых схемах концептуальной метафоры, ср. напр. *nepnechat do sebe korat ... не позволить из себя веревки вить.**

8. Заключение

Если подвести частные выводы на основе анализа конкретного языкового материала, то надо учитывать ряд сопутствующих факторов. Одним из таких важных факторов, влияющих на формирование концептуальной метафоры в самых разных сегментах и этапах ее создания, является феномен антропоцентризма. Именно этот подход способствовал формированию новых взглядов на «незыблемые» и устоявшиеся в многовековой практике понятия, как напр. пространство, форма, прототип и др. С ними уже непосредственно связаны проблемы языковых рефлексий.

Языковая обработка и реализация продукции органов чувств относительно точно отражают понятийную тематизацию и реализацию в ЯКМ, причем одним из стержней построения языкового образа является понимание движения как проявлений динамики и статики.

Примечателен факт, что при значительном многообразии различий формальных и коннотативных, в исследуемом сегменте руки и ноги как источников тактильных ощущений и формирования целевых языковых рефлексий наблюдается даже в сопоставительном чешско-русском плане поразительное сходство фразеологических образований, даже на уровне концептуализационных схем. Различия наблюдаются, пожалуй, лишь в деталях формальной обработки и экспрессивном заряде выражений.

Другую картину в рамках исследуемого фрагмента сопоставляемого материала наблюдаем на уровне концептуальной метафоры. С данной точки зрения изучались и сопоставлялись два источника тактильных ощущений в качестве исходного звена формирования конкретных языковых рефлексий в целевых областях, причем особое внимание уделялось процессам, связанным со становлением метафор и их сопоставлением. Исследуя процессы создания концептуальной метафоры и включая емкость семантики единиц, следует отметить, что более разнообразный характер метафорических образований наблюдается в тех источниках, которые являются с точки зрения этнокультуры более важными не только функционально, но и своей ролью в человеческой жизни. Из двух представленных такой является рука. С ней связано в обоих языках намного больше простых языковых рефлексий, включая разные схемы метафоризации, как напр. ориентационная схема 'далеко' х 'близко' или концепт 'контейнер-ёмкость'. Помимо них можно наблюдать также пеструю гамму всевозможных экспрессивных оттенков значения и одновременно больше семантических несовпадений между языками. В случае ноги в обоих языках с ней связано намного меньше языковых рефлексий и господствующей оказывается схема 'онтологической' метафоры, другие концептуализационные схемы представлены намного реже, напр. 'ориентационная' в чешском: *na vysoké noze ... na barскую ногу*, а в русском 'онтологическая'.

Литература

- АЛЕФИРЕНКО, Николай Федорович (2006): *Язык, познание и культура: Когнитивно-семиотическая синергетика слова*. Волгоград: Перемена.
- АЛЕФИРЕНКО, Николай Федорович (2010): *Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие*. Москва: Флинта, Наука.
- АПРЕСЯН, Юрий Деренкович (1974): *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- ВЕЖБИЦКАЯ, Анна (2000): Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека. *Вопросы языкознания*, Выпуск 6, с. 33–38.
- ВЫГОЦКИЙ, Лев Семенович (1999): *Мышление и речь*. Москва: Лабиринт.
- ГОЛОВАНОВА, Елена Иосифовна (2017): Локативная характеристика деятельности в русских наименованиях лиц по профессии. *Филологические науки*, Выпуск 4 (<http://research-journal.org/languages/lokativnaya-karakteristika-deyatelnosti-v-russkix-naimenovaniyax-lic-po-professii/>, 13. 9. 2017).
- КОПЕЦКИЙ, Леонтий Васильевич и ФИЛИПЕЦ, Йозеф (ред.) (1976): *Чешско-русский словарь ИИ (П–Ж)*. Москва: Русский язык.
- КОСТОМАРОВ, Петр Иванович (2014): Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Выпуск 2. (<https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-kak-vazhneyshiy-priznak-sovremennoy-lingvistiki>, 13. 9. 2017).
- КРЕТОВ, Алексей Александрович (2012): *Фрактальность в русском языке* (<http://tipl-vrn.ru/files/tipl-vrn/content/publication/Fractality%20in%20the%20Russian%20language.doc>, 13. 9. 2017).
- МАЛИНОВСКИЙ, Бронислав Каспар (2004): *Избранное: Динамика культуры*. Москва: Росспен.
- МОЛОТКОВ, Александр Иванович (ред.) (1968): *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- МОЛЧАНОВ, Виктор Игоревич (1994): *Э. Гуссерль Лекции по феноменологии внутреннего сознания-времени*. Москва: Гнозис.
- ПЛОТНИКОВА, Светлана Николаевна (2011): Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, Выпуск 3, с. 126–134.
- ПОДВОЈСКИЙ, Денис Глебович (2015-2017): *Интерпретативная социология* (<http://knowledge.su/i/interpretativnaya-sotsiologiya>, 13. 9. 2017).
- РАХИЛИНА, Екатерина Владимировна (2000): *Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике*. Москва: Русские словари.
- РАХИЛИНА, Екатерина Владимировна (2010): *Лингвистика конструкций*. Москва: Азбуковник.
- ARENDTOVÁ, Hannah (1993): *Řeč a metafora. Metafora a nevysvětlitelné. Myšlení o divadle II*. Praha, s. 47–78.
- BARTMIŃSKI, Jerzy i TOKARSKI, Ryszard (1993): *Definicja semantyczna: czego i dla kogo? O definicyach i definiowaniu / red. Jerzy Bartmiński, Ryszard Tokarski*. Lublin: Wydaw. UMCS, s. 47–61.
- BENEŠOVÁ, Martina (2011): *Kvantitativní analýza textu se zvláštním zřetelem k analýze fraktální*. Disertační práce. Olomouc: UPOL.

BIERWISCH, Manfred (1987): Dimensionsadjektive als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens. Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. *Studia grammatica XXVI–XXVII*. (Hrsg. mit Ewald Lang) Berlin: Akademie-Verlag, s. 1–28.

KOROSTENSKI, Jiří (2011): *Jazykové reflexe některých aspektů konceptu ‚kontejneru-nádoby‘ v ruštině /s přihlédnutím k češtině/*. České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií.

LAKOFF, George a JOHNSON, Mark (2002): *Metafora, kterými žijeme*. Brno: Host.

MACHEK, Václav (1997): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Lidové noviny.

MOKIENKO, Valerij a WURM, Alfréd (2002): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

PATOČKA, Jan (1995): *Tělo, společenství, jazyk, svět*. Praha: Oikoymenh.

REJZEK, Jiří (2001): *Český etymologický slovník*. Brno: Leda.

ROSCH, Eleonora (1977): Human categorization. In: Warren, N. (ed.): *Studies in cross-cultural psychology*. New York: Academic Press, s. 1–49.

Slovník spisovného jazyka českého (SSJČ) (1989). Praha. d. I; d. II; d. III; d. IV; d. V; d. VI; d. VII; d. VIII.

VAŇKOVÁ, Irena a kol. (2005): *Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky*. Praha: Karolinum.

Velký rusko-český slovník (VRČS) (1952, 1953, 1956, 1959, 1962, 1964): Praha: d. 1; d. 2; d. 3; d. 4; d. 5; d. 6.

RESUMÉ

V současnosti se v lingvistice přistoupilo ke komplexnímu výzkumu faktorů ovlivňujících přímo nebo nepřímo správné cílové realizace jazykové produkce. Zmíněný přístup vznikl v současné lingvistice vývojem a vlivem ostatních disciplín, především pak filozofie, konkrétně fenomenologických postulatů, z nichž se zformulovalo heslo „Zpět k samotným věcem!“. Toto vše změnilo povahu moderní lingvistiky ve smyslu celostnějšího a širěji založeného přístupu ke studiu procesů vzniku nejrůznějších jazykových jevů. Nový přístup umožnil v již existujících disciplínách, např. ve folkloristice, sociologii a mytologii přehodnotit materiál a z nové perspektivy přistoupit ke studiu souvislostí mezi tradičními disciplínami a zapojit do „spolupráce“ s lingvistikou i nově konstituované disciplíny, jako např. fraktální geometrii. Tím se zároveň objevily rozvětvené a daleko sahající souvislosti v různých etapách vzniku výpovědí, myšlení a řečové činnosti. V tradičním pojetí dichotomie jazyka řeči s pravidelně vymezenými kategoriemi a subkategoriemi se postupně ztrácela původní společenská podstata jazyka, čím byl jazyk sevřen do neživých schémat umělých struktur a konstrukcí. Proto za rámcem gramatických a fonetických kategorií zůstávaly mnohé jevy málo známé a tudíž i neprostudované. Jednalo se zejména o kategorie lexikální.

Problematika fraktálů vychází a je bezprostředně spojena s teorií „chaosu a pořádku“, přičemž na nový vědní segment jsou mnozí vědci ochotni pohlížet jako na dlouho očekávané sblížení přírodovědných a humanitních disciplín, především s jazykovědou. Nicméně je zatím předčasné pohlížet prizmatem fraktální lingvistiky na otázky sémantiky přirozeného jazyka a nezbude nic jiného než se smířit s faktem, že problematika adekvátního popisu generování sémantických struktur zůstane ještě určitý čas nevyřešena. Mezi základní principy teorie chaosu a pořádku patří provázanost přírody s jevy a procesy nelineově se rozvíjejícími, nabývajícími ovšem v určitých momentech synergického působení a účinku. Z toho vyplývá, že řada disciplín soumězných s lingvistikou, jako např. sociolingvistika, folkloristika a další, stejně jako jazykovědné pojmy metody, např. teorie konceptuální

metafory, fraktální lingvistika atd., jsou úzce spojeny s antropocentrickým přístupem ve vědě.

Úzké souvislosti jazyka s myšlením tušili nejen lingvisté, ale i filozofové a další vědci. Nicméně až ve druhé polovině 20. století v souvislosti se změnou paradigmatu ve vědě dokázali lingvisté zásadně přistoupit ke studiu a analýzám propojení struktur jazyka a myšlení. Ze zmíněné perspektivy se zdařilo G. Lakoffovi a M. Johnsonovi dokázat, že myšlení je z velké části svou podstatou metaforické, přičemž vznik a používání metafor v jazyce má komplexní povahu a zahrnuje nejen samotný proces vzniku určitého pojmu v konkrétních kulturně-historických podmínkách na pozadí každodenní společenské praxe, ale i úzkou souvislost se základními strukturami lidského myšlení. Uvedené struktury jsou determinovány antropocentrickým principem a z řady životně nejdůležitějších pojmů se stávají součástí zdrojových oblastí, jež se v dalších etapách transformují do cílových jazykových reflexí v podobě konceptuálních metafor.

Za jednu z takových zdrojových oblastí, v nichž dochází ke vzniku konkrétních pojmů, považujeme lidské orgány citových vjemů/počitků. Zpravidla se uvádějí jako tradiční tyto citové vjemy: zrak, hmat, čich, sluch, chuť. V článku se zkoumají určité aspekty role taktilních počitků/vjemů v procesech jazykových realizací na pozadí srovnání dvou jazyků, češtiny a ruštiny.

Pokud shrneme dosažené výsledky výzkumu, lze poznamenat, že projekce výše uvedených strategií do faktorů, ovlivňujících vytváření konceptuální metafory, potvrdila, že ruka, jako nejdůležitější orgán taktilních počitků pro člověka, disponuje v obou jazycích velmi rozsáhlými soubory nejen faktických a potenciálních významů, ale též značnou škálou expresivních a stylistických odstínů. Pojem „ruka“ generuje v obou jazycích především metaforická schémata „orientační“ a „kontejner-nádoba“. V případě pojmu „noha“, jako dalšího lidského orgánu, který je schopen do určité míry zprostředkovat taktilní počitky, situace vypadá jinak. Její role je v taktilní sféře podstatně méně významná, než je tomu v případě ruky. Proto též zkušenostní základ v případě „nohy“ v obou jazycích generuje méně významů a schémata metaforické konceptualizace jsou téměř výhradně zastoupena jedním typem, a to „ontologickou“ metaforou. Další metaforické konceptualizace jsou zastoupeny vzácněji, např. konceptuální schéma „orientační“ metafory. Z češtiny je znám frazeologický útvar na vysoké noze . . . на барскую ногу, pro nějž ruština disponuje konceptuálním „ontologickým“ schématem. Nicméně je zapotřebí upozornit ještě na jeden podstatný rozdíl mezi češtinou a ruštinou. Skrývá se v širším spektru záporných konotací různých frazeologických útvarů, zatímco v ruštině množství takových negativně zabarvených konotací je podstatně nižší.